

КОНСЕРВАТИВНЫЕ НЕМЕЦКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ГИТЛЕРОВСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ

Во многих отношениях эволюция немецкой политики до 1914 г. была чревата последствиями, которые в итоге и реализовались по самому тяжелому сценарию после 1933 г. Дело в том, что срединное положение Германии в системе держав в Европе и отсутствие возможности экспансии могли всегда обернуться осложнениями, которые после объединения Германии в 1871 г. так или иначе давали о себе знать. Но после Первой мировой войны немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защититься от этой опасности только на Рейне. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), а значит и не имеющего геополитических резервов развития положения Германии путем экспансии на Восток.

Кардинально важным является вопрос о том, что стало основным мотивом в решении Гитлера о нападении на СССР – краткосрочная военная стратегия или главная стратегическая цель, наверно никогда исторической наукой не будет решен по причине отсутствия достоверных источников, хотя иные суждения Гитлера представляются вполне однозначными. Гитлер еще в 1919 г. риторически спрашивал, справедливо ли, что в России земли на человека приходится в 18 раз больше, чем в Германии. По всей видимости на Гитлера в его отношении к России огромное влияние оказала консервативно-националистическая немецкая традиция, а основными выразителями антирусских настроений в Германии во время Первой мировой войны, когда Гитлер как губка впитывал основы националистических убеждений, были три балтийских немца: Теодор Шиман, Пауль Рорбах и Йоганн Галлер. Первый и последний были

известными историками, а Рорбах – публицист¹. Колония прибалтийских немцев, несмотря на свою относительную малочисленность вообще оказала огромное интеллектуальное воздействие на немцев в рейхе во многих отношениях и особенно в геополитическом, многочисленные труды упомянутой троицы, несмотря на то, что они не были прямо связаны с нацистами и даже преимущественно критически к ним относились, повлияли на поколения немецких теоретиков и практиков национализма. Еще до Первой мировой войны прибалтийские немцы с их культом эффективности, целесообразности, рациональности, производительности издавна со значительной долей неодобрения и скептицизма наблюдали за тем, как отвратительно устроено хозяйство в России и многие из них не верили в возможность устроить все как нужно, но объясняли плачевное состояние России не расовой неполноценностью русских, как это делали нацисты, а культурными, этическими различиями, действительность которых можно признать и сейчас. Реакция русских на подобное отношение к себе была соответствующей: немцев в России не любили – стоит только вспомнить образ Штольца в романе И. А. Гончарова “Обломов” (1859 г.), этот образ вроде бы во всех отношениях положительный, но вызывает устойчивую антипатию у читателя. Этот немецкий культ эффективности в самом деле не совпадал с движениями русской души по неизвестной причине. Поэтому немцы и не считали русских способными изменить в их жизни что-либо к лучшему. Самый известный и читаемый теоретик геополитики Пауль Рорбах в Первую мировую войну отстаивал идею расчленения России на “естественные” составляющие: Финляндию, Польшу, Бесарабию, Украину, Кавказ, Туркестан, Россию. Рорбах писал, что Российскую империю можно разделить на части как апельсин – без разреза и ран, естественным образом². Что самое занятное, так это то, что ни один из упомянутых прибалтийских геополитика не был расистом, эта разновидность империализма была вдохновлена национально-либеральными идеями, широко распространенными не только в Германии, но и во всей Европе, во всяком случае, в этих представлениях не было ничего исключительно немецкого. Рорбах осуждал, как и все в цивилизованной Европе, отвратительные преследования евреев в России. Не менее влиятельный и известный публицист профессор русской истории Теодор Шиман считал в годы Первой мировой войны Российскую империю искусственным образованием, ибо она представляла, на его взгляд, конгломерат несовместимых между собой народов и рас³. Ничуть не меньшей русофобией дышали многочисленные публикации

и Й. Галлера, который на новой основе пытался реставрировать старый лозунг крестоносцев “Drang nach Osten”, ибо Россия все одно находится вне семьи европейских народов⁴.

Эти суждения прибалтийско-немецких «остфоршеров» прямо влияли на Гитлера в его стремлении найти выход из геополитического “тупика” для Германии и накануне войны в 1939 г. Гитлер так обосновывал необходимость войны на Востоке: «Это вечная борьба о мире – она доводит народы до сумасшествия. Ведь в чем дело? Нам нужны зерно и древесина. Из-за зерна мне нужно пространство на Востоке, из-за древесины – одна колония, только одна. Мы жизнеспособны. Наши урожаи в 1938 г. и в этом году были прекрасными. Но однажды почва истощится и откажется работать, как тело после того как происходит эффект допинга. И что тогда? Я не могу допустить, чтобы мой народ страдал от голода. Не лучше ли мне оставить два миллиона на поле боя, чем потерять еще больше от голода? Мы знаем, что это такое – умирать с голода. У меня нет романтических целей, у меня нет желания господствовать. Прежде всего я ничего не хочу от Запада, ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части – выдумка. Но мне нужна свобода рук на Востоке»⁵. Приблизительно так же Гитлер аргументировал за внешнюю экспансию и в “Kampfbuch”: “Германия имеет ежегодный прирост населения 900 тысяч и задача пропитания этой массы людей становится из года в год все сложнее и когда то станет вовсе неразрешимой, настанет голод”. Выход Гитлер видел не в ограничении рождаемости (этот путь отнимает у народа будущее, полагал Гитлер), не во внутренней колонизации (этот путь чреват распространением пацифизма, по мнению Гитлера), не в активной торговой и промышленной экспансии (другие европейские страны, он полагал, будут сильными конкурентами Германии), а в более “здоровом” как он писал пути – территориальных захватах⁶.

В «Памятной записке» к четырехлетнему плану в августе 1936 г. Гитлер ставил задачу через 4 года быть готовым к войне на Востоке, эта война даст сырьевую и продовольственную базу для немецкого народа. На совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил: «Участие в мировом хозяйственном процессе: перед нами возведены границы, которые мы не в состоянии устранить... И в особенности следует основательно задуматься над тем, что с момента окончания мировой войны происходит индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортерами

продовольственных товаров». А поскольку автаркия в Германии может быть реализована только в отдельных отраслях, то Гитлер делает вывод: «Единственный и, вероятно, кажущийся несбыточным способ устранить наши трудности лежит в завоевании более обширного жизненного пространства, то есть в том, что во все времена было причиной основания государств и народных движений»⁷.

9 января 1941 г. Гитлер указывал, что «русская территория таит в себе неизмеримые богатства. Германия должна установить над ней экономическое и политическое господство, но не присоединять ее к себе. Тем самым создадутся все возможности в будущем для борьбы с континентом, и тогда уж Германию разгромить не удастся никому»⁸. Гитлер в разговоре с руководителем экономико-политического отдела НСДАП Отто Вегенером таким образом разъяснял концепцию завоевания «жизненного пространства» в России: «И, кроме того, Европе, чтобы выстоять в решительной борьбе с Америкой, потребуется зерно, мясо, древесина, уголь, железо и нефть России»⁹.

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тысяч га, то мы покроем все наши потребности в резине»¹⁰. Особенно «проникновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождениях Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России, вероятно, есть важнейшее сырье – человек»¹¹. Представление о том, что этим “сырьем” в СССР распоряжаются плохо и не те люди в Германии было распространено не только среди нацистов, так государственный секретарь Вайцзекер, довольно далекий от нацистов, писал о своих впечатлениях от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: “Свита Молотова состояла из типичных уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130 миллионный народ представлен подобной делегацией”¹².

Следовательно, «еврейско-большевистский» характер Советского Союза не был подлинной причиной принятия Гитлером программной целевой установки на войну против России. Решение о начале этой войны было принято совершенно независимо от этого, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования своих завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог был основным и в оправдании «разрыва» бисмарковской традиции союза с Россией, отсутствие преемственности с Бисмарком Гитлер объяснял тем, что в России во времена Бисмарка господствующее положение занимала германская элита, а в СССР настоящими хозяевами являются евреи¹³. Собственно господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны. Нельзя, однако, упускать из виду характерный для австрийца устойчивый антиславизм Гитлера. Он еще в «Майн кампф» писал, что даже “во время русско-японской войны я был на стороне японцев, в поражении русских я увидел и поражение австрийского славянства.” Характерен его отклик и о убийстве кронпринца Франца-Фердинанда: “Самый большой друг славян пал под пулями фанатика-славянина. Вначале я боялся, что кронпринца убил какой-нибудь немецкий студент из-за славянофильства наследника австрийского престола”¹⁴.

В Восточной Европе планировалось сохранить протекторат Богемия и Моравия, полусамостоятельную Словакию и Хорватию, Польша была поделена на части: Мазовия и Познань включались в рейх, а территория генерал-губернаторства оставалась зависимой от Берлина и ей было суждено оставаться резервуаром дешевой рабочей силы и местом «окончательного решения» еврейского вопроса. В Советском же Союзе планировалось отбросить Красную Армию за Урал, а в Сибири Гитлер допускал существование остатков большевистского режима в расчете на возникновение перманентных вооруженных стычек с вермахтом, который таким образом поддерживал бы свой боевой дух и имел возможность испытывать новые вооружения в деле. Европейскую же территорию СССР Гитлер предварительно планировал поделить на четыре провинции – рейхскомиссариаты: Ostland с центром в Риге должен был охватывать государства Балтии и Белоруссию и его нацисты хотели населить немцами Поволжья, датчанами, норвежцами, англичанами; Украину со столицей в Ровно, как будущую немецкую житницу, планировалось быстро заселить 20-ю миллионами немцев; Кавказ со столицей в Тбилиси становился нефтяным придатком Третьего рейха; самая крупная провинция Московия простиралась от Балтики до Уфы.

Германскую «Ривьеру» планировалось устроить в Хорватии и Крыму, куда хотели переселить после переименования в Готенланд немцев из Южного Тироля. Ключом к колонизации оккупированных на Востоке земель должна была стать система автобанов, которые по словам Гитлера сотрут границы старой Европы. Процесс колонизации мыслился наподобие американской колонизации Дикого Запада – каждое немецкое семейство колонистов будет обрабатывать свой даровой участок земли, а на ночь укрываться в укрепленной деревне. Россию Гитлер склонен был рассматривать как немецкую Индию, он даже рекомендовал немецким офицерам на Восточном фронте для понимания психологии «туземцев» читать Карла Мая – знаменитого немецкого автора романов о Чингачкуке, Винниту...

Расселение солдат и крестьян в восточных пределах рейха практиковалось еще Фридрихом Великим, в вильгельмской Германии подобная связь меча и плуга продолжилась, принимая порой прямо расистские черты. В Первую мировую войну эта традиция была продолжена – даже перед лицом поражения в 1918–1919 гг. фрайковцев вербовали с обещаниями дать земли в Прибалтике. Многие из тех солдат служили в гитлеровском вермахте во Вторую мировую войну во вспомогательных и комендантских частях. В Веймарскую республику правительство целенаправленно проводило национальную политику и политику сохранения немецких поселений на восточных территориях. Гитлер целиком воспринял эту направленность геополитики. Через все выступления и высказывания Гитлера красной нитью проходит стремление к обеспечению для немцев “жизненного пространства” на Востоке – об этом свидетельствует многократно цитируемое высказывание Гитлера из «Майн кампф» о том, что “если мы говорим о жизненном пространстве, то прежде всего имеем в виду территории в России и в подчиненных ей государствах”. В отличие от прежней колонизации немцами Востока, Гитлер не думал вовсе о культуртрегерской роли немцев и о мирном сосуществовании со славянами, как это было прежде. Гитлеровская расово-биологическая концепция восходила к порабощению или даже уничтожению славянских народов Востока Европы.

Интересно, что за несколько дней до нападения на СССР к Гиммлеру обратился великий герцог Ольденбургский с вопросом, что поскольку он хотел бы обеспечить всех своих шесть сыновей поместьями, не будет ли ему предоставлена возможность купить эту землю на Востоке. Гиммлер ответил, что для великого герцога не будет сделано никаких исключений,

но если его сыновья покажут себя с лучшей стороны на фронте, если им позволит здоровье, и если они будут иметь соответствующее сельскохозяйственное образование, они могут приобрести землю после войны. Дабы не вызывать ажиотажа и ненужного соперничества и зависти, хотя никто официально не объявлял, что рыцарский крест после войны автоматически обеспечит его кавалерам «рыцарское поместье» (Rittergut), но в войсках это считали решенным делом.

В марте 1941 г. Гитлер установил, что на оккупированных территориях в России вермахт будет вооруженной силой, СС будет исполнять полицейские функции, общими вопросами администрирования будет заниматься имперское министерство оккупированных районов Востока во главе с А. Розенбергом, а экономические вопросы будут находиться в юрисдикции ведомства четырехлетнего плана. Даже известный своими симпатиями к национал-социализму командарм 6-й армии генерал-фельдмаршал Райхенау писал в памятной записке: «Последний русский крестьянин теперь понял, что немцы пришли в его страну не столько для того, чтобы освободить его страну от большевизма, сколько они преследуют свои собственные цели. Высказывания и действия руководящих работников рейха определенно показывают, что Украина для них – это колония, что интересы местного населения их совершенно не волнуют, что голодная смерть или гибель миллионов украинцев не имеют для немцев никакого значения. В связи с тем, что сколь-нибудь быстрого окончания восточного похода не предвидится, наше отношение к местному населению нуждается в пересмотре»¹⁵.

В войну государственная промышленность СССР была объявлена собственностью рейха, а после войны ее планировалось продать солдатам, воевавшим на восточном фронте и поселенцам-колонистам. Гитлер, таким образом, надеялся санировать капитально подорванные финансы рейха и амортизировать военные расходы. Геринг планировал только два исключения – нефтяные месторождения и промысел должны были остаться под контролем рейха – планировалось создать государственную нефтяную компанию с участием частного капитала и такую же структуру в металлургической и горнорудной промышленности. Против этих планов была рейнско-вестфальская промышленная группа, которая всячески вредила планам и начинаниям главного промышленного менеджера Геринга Пауля Плайгера. Это соперничество во многом мешало полноценному восстановлению горной и металлургической промышленности в оккупированных районах СССР, хотя Гитлер и Геринг постоян-

но твердили, что после войны будет осуществлена всеобъемлющая приватизация. Осторожные промышленники в это не верили, справедливо полагая, что промышленная империя Геринга будет расширена за счет промышленных ресурсов Востока.

Исключение составила промышленность Прибалтики, где восстанавливались старые отношения собственности и была декларирована возможно более быстрая “германизация” производства. В начале 1942 г. Розенберг вел переговоры с лидером голландских нацистов Мусертом, который предложил Розенбергу выделить для голландской колонизации территории на Востоке вследствие того, что голландцы утратили свои заморские территории. Это, разумеется, не было в немецких интересах, и Розенберг предпочитал говорить о привлечении голландской рабочей силы на востоке. В Голландии было завербовано 416 крестьян в качестве поселенцев в Белоруссии и сверх того 129 садоводов, рыбаков и ремесленников. Об их устройстве заботилась “Голландская Ост-компания”, создавшая недалеко от Вильнюса образцовое поместье. На Украине, несмотря на противодействие рейхскомиссара Эриха Коха, с октября 1942 г. до августа 1943 г. поселилось 365 голландских крестьян. Образцовые садоводческие хозяйства должны были служить примером для местных фольксдойч. Голландские специалисты-хлопкоробы были заняты в Крыму. На Украине по последнему слову техники сооружалась сахарная фабрика, но ее достроить не успели¹⁶.

Бывший торговый австро-венгерский эксперт по торговле Рихард Ридл составил для имперской канцелярии обширную записку о “русском вопросе”, в которой призывал вернуться в России к тактике периода Первой мировой войны. В соответствии с этой тактикой немецкое господство должно быть обеспечено использованием национальных противоречий в СССР и сотрудничеством с отдельными народами на Востоке. “Довольствоваться достижимым – вот настоящий залог успеха”, – писал Ридл. Эта тактика означала, однако, отказ от всякой колонизации в России. Ридл указывал, что есть сомнения даже в заселении в течение 10-ти лет аннексированных польских районов. Он указывал, что сверх того еще оставались протекторат и генерал-губернаторство, которые вместе с Западной Пруссией и районом Варты поглотят все немецкие колонизационные возможности. При таких обстоятельствах думать о масштабных немецких поселениях и колонизации Кубани и Украины – это чистая фантазия. Эксперт оказался совершенно прав, а эсэсовцы со своими планами совершенно провалились: насколько большого успеха Гиммлер добился

в создании Waffen-SS, насколько эффективный полицейский аппарат был создан в Германии, насколько жесткая система концлагерей была создана СС, настолько же провальной и неудачной была поселенческая политика СС.

Одно из главных требований к переселенческой политике Гитлер сформулировал в июле 1941 г., на совещании в ставке он заявил: “Крым должен быть очищен от всех чужаков и заселен немцами”. Районами, присоединенными к рейху и соответственно колонизируемыми, должны были стать Прибалтика, Галиция, немецкие колонии на Волге. В районе Баку Гитлер хотел создать “военную колонию”. Конкретных поручений и полномочий, однако, никому не было дано. Гимmlеровский планировщик заселения Востока проф. Конрад Майер (Meyer) летом 1941 г. представил свои наметки к “плану Ост”. Тотчас же после начала войны с СССР Гимmlер приказал сформировать первый контингент поселенцев в 3 тысячи человек из состава переселенных в район Варты бессарабских немцев для их поселения на Востоке. Розенберг прекрасно видел перспективу своей административной власти на Востоке перед лицом конкуренции СС: “Наша задача будет состоять в том, чтобы возможно быстрее принудить согнанных в резервации славян к эмиграции или вымиранию. Все позитивные задачи возьмет на себя СС”. В борьбе за “позитивные задачи” Розенберг имел хорошую поддержку в лице ответственного за продовольствие и сельскохозяйственное производство в “экономическом штабе Ост” Йохима Рике (Rieke). Рике до 1939 г. руководил имперским ведомством по переселению, вытесненным в борьбе компетенций СС и теперь при поддержке вермахта и Геринга он стремился взять под контроль продовольственные поступления с Востока. Под его началом было более 10 тысяч сельскохозяйственных функционеров, руководивших колхозами и другими предприятиями. Эти функционеры чувствовали себя будущими хозяевами крестьян и к ужасу Розенберга стремились, как только можно, сохранить колхозы и препятствовать передаче земли крестьянам на местах.

Летом 1942 г. сельскохозяйственные вожди на Востоке хотели создать сеть опорных пунктов для надзора над так называемыми «сельскохозяйственными кооперативами» (Landbaugenossenschaften). Они предполагали, что со временем эти опорные пункты станут их собственностью. Поэтому они не были заинтересованы в реприватизации земли местными крестьянами.

Всё это планирование на деле было абсолютно утопическим – сотрудник Розенберга министериялдиректор в Прибалтике Петер Кляйст, сам ээсовец, в резких выражениях критиковал колонизационную политику Гиммлера: “Нам немцам ныне нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если мы через 100 лет будем иметь избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут Познань, Лицманнштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, из которых мы будем иметь довольно времени эвакуировать население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают выиграть войну”¹⁷.

В итоге следует констатировать, что по всем рассмотренным приметам нацистские планы колонизации Востока, исхивдившие из расовой доктрины, совершенно отделяются от старой немецкой консервативной геополитики, исхивдившей из обычной имперской логики, которая была присуща всем европейским державам на рубеже XIX и XX веков. Поколение Гитлера сформировалось в вильгельмовской Германии, в которой имперский статус Германии был само собой разумеющимся делом. По этой причине требования ревизии Версальского договора обладали столь значительной объединяющей силой и находили полную поддержку в рейхсвере, промышленности, партиях, общественности. Для Гитлера, однако, ревизия безусловно несправедливых и, наверное, садистских Версальских установлений была только началом: его видение будущей немецкой геополитики было совершенно другим, чем у старой немецкой политической элиты. Это видение во многом определялось романтическим стремлением к безграничной экспансии, ценность которой в ней самой и заключалась. Также для Гитлера было чрезвычайно важно абсолютно преувеличенное мальтузианство – на поверку оно оказалось, по крайней мере, для Запада, совершенно ошибочным. Бисмарк в свое время справедливо говорил, что «в политике дальнзоркость гораздо хуже, чем близорукость».

Этот гитлеровский империализм в геополитике лучше всего описал в 1925 г. один из идеологов немецкой «консервативной революции» Эрнст Юнгер в своем требовании нового идеального империализма: «Устремление в неведомые дали и в безграничное мы унаследовали в самой природе нашего национального германского духа, который поможет нам в будущем сформировать такой империализм, который не как прежний жалкий кайзеровский империализм, концентрировавшийся на незначительных

прерогативах наших пограничных провинций или на обладании какими-то южными островами, будет претендовать на все»¹⁸. Иными словами, когда Гитлер стал канцлером, он не был ревизионистом¹⁹, несмотря на ненависть²⁰, которой дышат страницы «Майн кампф», на которых он пишет о Франции: он понимал и разделял империализм Клемансо, но сам он шел значительно дальше. Гитлер считал, что будущее Германии можно обеспечить, завоевав военными средствами «жизненное пространство» на Востоке. Это позволило бы Гитлеру расселить «излишки» населения и обеспечить желанную хозяйственную автаркию. Поэтому он и указывал во «второй книге», что либо Германия станет мировой империей, либо вообще перестанет существовать²¹. Это была огромная задача, но ее реализация предполагала отказ от всяких принципов и прежних норм внешней политики – цена этого была очень высока: Гитлер лишался всякого доверия в Европе. Последнее нельзя слишком переоценивать, известно, насколько мало значат в политике честность и приверженность определенным принципам, но и вовсе сбрасывать их со счетов, как это сделал Гитлер, нельзя. В этом гитлеровском обскурантизме и состоит качественное различие старой немецкой консервативной геополитики и новых гитлеровских идей.

---

¹Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 63.

²Rohrbach P. Osteuropa, historisch - politisch gesehen. Potsdam, 1942. S. 123.

³Ср.: Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 64.

⁴Ради восстановления исторической справедливости нужно отметить, что самый крупный известный и общепризнанный знаток русской истории и традиции Отто Гетцш до и после Первой мировой войны ожесточенно критиковал антирусские настроения и пропаганду. Самым лучшим доказательством его искренности является то, что его самый значительный ученик Клаус Менерт был искренним другом и великим знатоком русской истории и языка.

⁵Цит. по: Фест Й. Гитлер. Т. 3. Пермь, 1993. С. 157.

⁶Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. München, 1940. S. 137–141.

⁷Цит. по: Михалка В. Вторая мировая война. С. 437.

⁸Цит. по: Там же. С. 439.

⁹Цит. по: Там же.

¹⁰Цит. по: Там же. С. 440.

¹¹Цит. по: Там же. С. 441.

¹²Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 344.

¹³Ср.: Deist W. et al. (Hg). Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. I. Stuttgart, 1979. S. 543.

¹⁴Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1. München, 1940. S. 162.

¹⁵Цит. по: Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 43–44.

¹⁶Ibid. S. 74.

¹⁷Ibid. S. 109.

¹⁸Цит. по: Wette W. Ideologie, Propaganda und Innenpolitik als Voraussetzungen der Kriegspolitik des Dritten Reiches. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Bd. 1. Stuttgart, 1989. S. 44.

¹⁹Совершенно точно Гитлер предвидел, что откровенный ревизионизм надолго изолирует Германию в Европе, поскольку коалиция победителей выступит единым фронтом против Германии и повторится ситуация, существовавшая в заключительной фазе Первой мировой войны. Ср.: Weinberg G. (Hg) Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 163. Гитлер хотел заполучить в союзники Италию и Англию – для этого он был готов уступить (и уступил) итальянцам Южный Тироль, населенный немцами, и отказался от каких-либо претензий на бывшие немецкие колонии, чего так опасались англичане. В определенной трезвости оценки Гитлеру не откажешь даже в ожидании союзничества от Англии, которая ревниво наблюдала за гегемонистским положением Франции на континенте. Гитлер несколько переоценил только стремление англичан к европейскому равновесию применительно к Франции.

²⁰Эта ненависть была по всей видимости рефлекторной природы и потом уже не всплывала – это видно по той сенсационной снисходительности, с которой Гитлер относился к Франции. По отношению к Франции Гитлер в точном смысле слова никогда не проводил ревизионистскую политику – он только хотел ее победить и дипломатически изолировать. Гитлер не помышлял даже об Эльзасе и Лотарингии, ибо для него это было слишком мелко и не оправдывало войны, которая стала бы обоснованной только в случае крупных и решающих территориальных приобретений. Ср.: Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. München, 1940. S. 741.

²¹Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. S. 742.